

Вадим Перельмутер

Невольный переулочок жизни Сигизмунда Кржижановского

Готовя в 2005 году к изданию пятый, представлявшийся мне тогда последним том собрания сочинений Сигизмунда Кржижановского, я упоминал о фантомной новелле, которая вроде бы написана была, однако разыскать ее не удалось. Да в самой заглавии новеллы отчетливо слышалась некая фантомность: переулочок с таким именем, по которому некогда в пяти минутах от своего арбатского жилья бродил Кржижановский, размышляя – по ассоциации – о невольности человеческой жизни, был снесен три четверти века назад во время реконструкции Смоленской набережной и... по сей день отмечен/прочерчен на всех планах этого московского района.

Следы замысла «Невольного переулочка» на протяжении нескольких лет мелькали на страницах «Записных тетрадей». Пока наконец в письме к Анне Бовшек (от 30 августа 1933 г.) не было упомянуто, что новелла написана, хотя, по мнению автора, еще не вполне завершена. Загадкой представлялась то, что более никогда о «Невольном переулочке» речи не было: ни в письмах, ни в нескольких позднейших «автобиблиографиях» Кржижановского, ни в воспоминаниях Анны Бовшек, как известно, после смерти мужа чрезвычайно тщательно собравшей и систематизировавшей его творческое наследие. После находки в конце 2005 г. «Киевского архива», преобразовавшей уже готовое к завершению пятитомное собрание сочинений в шеститомное, я счел, что искать неизвестные его сочинения больше негде, правда, оговорил, что не категоричен, просто мне в голову не приходит адрес дальнейших поисков. Потому что, когда речь о Кржижановском, с подобными утверждениями надо быть очень и очень осмотрительным. Не раз мне в том доводилось убеждаться. Теперь коллекция снова пополнилась.

Летом 2012 г. В.В. Петров обнаружил текст новеллы – и не где-нибудь в ухоронке неожиданной, а... в фонде Кржижановского в РГАЛИ. Просматривая перечень документов во второй описи фонда, увидел в самом конце описи приписку. Текст был передан в РГАЛИ из Центрального архива ФСБ по акту, датированному 19 сентября 1995 года. Могу поручиться, что когда я в последний раз просматривал опись – уже во время работы над собранием сочинений, – этой приписки там не было. Как сие могло случиться, объяснить не берусь, но это так.

Текст новеллы – не сама машинопись, а сделанная на стеклограффе копия (то бишь текст копировался, а возможно, и размножился в нескольких экземплярах тогдашним НКВД-ОГПУ) из объемистой машинописной сшитой тетради, где новелла занимает страницы 105-119 (детальное описание текста В.В. Петровым см. в его публикации в сетевом журнале «Toronto Slavoc Quarterly»: <http://www.utoronto.ca/tsq/41/index.shtml>).

Насколько удалось установить, тетрадь имеет отношение к «делу» Н.А. Клюева, арестованного 2 февраля 1934 г. по обвинению в «составлении и распространении контрреволюционных литературных произведений». Как туда попала новелла – неизвестно. Как неизвестна и судьба остальных экземпляров машинописи, диктовка которой, судя по дате, была завершена на следующий день после письма автора к жене. Можно лишь предположить, что они были уничтожены самим Кржижановским, до которого каким-то образом дошло известие об аресте новеллы, – догадка, проверить которую, боюсь, весьма и весьма непросто...

Сигизмунд Кржижановский

Ну, а то, что присутствие «Невольного переулка» в криминальной тетрадке обошлось без трагических для Кржижановского последствий, возможно, объяснимо его литературной безвестностью. Да и фамилия могла смутить следователей – не родственник ли знатного и высокопоставленного партийца, по поводу которого никаких указаний в органы не поступало, лучше не трогать... Впрочем, скорее – просто счастливый случай, ведь вообще безо всякой видимой причины попадали под каток репрессий сотни тысяч и вовсе ничем не примечательных людей...

Не могу отделаться от впечатления, что внезапное явление «Невольного переулка» странным образом рифмуется с находкой «Киевского архива». Случись оно всего несколькими неделями позже, и в собрании сочинений новеллы быть бы уже не могло (а теперь ею открывается последний, шестой том). Ровно так же, как без малого семью годами ранее вне издания могли бы очутиться несколько сотен страниц, написанных Кржижановским.

И столь раздражавшая меня двухлетняя пауза между пятым и шестым томами не вызвана ли волею «Невольного переулка»?..

Новелла не только хороша сама по себе, – на мой взгляд, она относится к числу наиболее зрелых и сильных сочинений Кржижановского. Она и во всем творчестве писателя сразу и органично занимает одну из ключевых позиций. Поворотом этого ключа замыкается восьмилетний «московский» цикл сочинений, то бишь тех, в которых топографии, топонимике, истории Москвы отведена особо значимая, содержательная роль. Вот перечень-пунктир этого цикла: «Штемпель: Москва» (1925), «Автобиография трупа» (1925), «Квадратурин» (1926), «Книжная закладка» (1927), «В зрачке» (1927), «Швы» (1927-28), «Чужая тема» (1928-30), «Красный снег» (1930), «Невольный переулок» (1933).

Восемь лет, жанрово закольцованных, – двумя пачками писем...

Сигизмунд Кржижановский

Невольный переулоч

Пачка писем – от одного лица разным адресатам

1.

Тверская 4 и, кажется, 3¹.

4-й этаж, слева.

– Шести продолжительным звонкам.

Я познакомился с вами, проделывая зигзаг вашей узкой и достаточно темной лестницы. На квартирной доске – по белому, врамленному в красное, – внизу стояла ваша фамилия. Но я забыл ее, простите. Помню только, что вы шестизвонковый. Это – уже характеристика². Первый, по возможности короткий звонок, забирает себе наиболее почтенный жилец квартиры. Обычно это отвработник³, человек с портфелем. Ему некогда вслушиваться и пересчитывать звонки. После первого металлического толчка о слух он перестает считать и возвращается к своим цифрам и докладам. Человек о двух звонках уже не существо с портфелем, а существо при портфеле⁴. Оно достаточно почтенно, стоит на сверхпайке⁵, но работает и в сне, и в яви⁶, все двадцать четыре в сутки. Ну, а шестизвонковый жилец – он и не в счет. Это терпеливый человечек, которого терпят за терпение. И только. И я знаю, что вы, терпеливо отсчитывающий ваши шесть, настолько покорны, что долистнете эти страницы непрошенного письма до последней. Это единственное, что мне, в сущности, надо. Быть выслушанным.

Странная болезнь, скажем – письмомания, овладела мной вот каким образом. Это началось года два тому, когда водка создавала внезапные и длинные очереди, а сдачу с рублей давали почтовыми марками⁷. Я пью⁸. Что меня заставляет пить, спросите вы. Трезвое отношение к действительности⁹. Я стар – у меня рыже-серые волосы и рыжие зубы, а жизнь юна – следовательно, меня надо смыть, как пятно, вытравить водкой начисто. Вот как.

Утро свое я начинал тогда так. Встав спозаранками, я выходил к перекрестку и ждал. Как охотник на току. Вскоре, а иной раз и невскоре, с той или иной улицы перекрестка показывалась телега, груженная деревянными ящиками. В ящиках – запряженный под стекло и пробки алкоголь. Я выходил из неподвижности и шел за телегой – куда бы она ни поворачивала – вплоть до остановки и разгрузки. Чувство такое, будто почтительно шествуешь за катафалком, на рессорах которого твой же собственный прах.

Но не в этом дело. Дело в марках, которыми платили тогда, по недостатке мелочи, сдачу. Что делать человеку, живущему на отшибе от людей, отодиноченному от всех, с марками? Эти клейкие рубчатые прямоугольнички для общающихся, сросшихся сердцами, вклеивающихся друг в друга. Марок у меня накопилось препорядочное количество. Они лежали в стороне, на отодвиге, у края стола. И просили работы, осмысления. Я как-то – на полпьянии это было – оторвал рубчики от рубчиков и решил (мы, пьянчуги, знаете, не злы) доставить удовольствие марке.

Но кому писать? Хоть шарóm. И ни конверта, ни почтового листа¹⁰. Но все-таки я набросал мое первое письмо, сложил бумагу лодочкой, приклеил марку и сверху: «Первому, кто подымет». Затем оставалось открыть форточку и бросить в нее, как в почтовый ящик.

Ну вот, так и повелось. Мы, я и мой соавтор, водка, постепенно пристрастились к эпистолярному делу. Нечто вроде духовной закуски. Не обижайтесь. Впрочем, вы, шестизвонковые, и не должны слишком быстро обижаться. Кстати, на каком звонке у вас возникает волнение? На четвертом, или может быть, на пятом? Ведь если вы он, то ждете óну, а если она, то ждете óна¹¹. А я вот стар и никого уже не жду. И ходит ко мне только проклятое онó: вонзится в душу безглазием в глаза, холодом в кровь – и иногда так станет тошно, так захладеет сердце, что вот бы... впрочем, к чему это я. Бутылка до конца. Пойду за другой. По дороге брошу в ящик письмо. А там и меня в ящик. Ну, пока. Точнее – навсегда.

2.

Арбат, 51¹².

3-й этаж, первое окно слева, у правого подъезда.
Кому бы то ни было.

Нарочно наклеил в шесть раз больше марок, чем нужно, – их у меня хоть на вей-ветер швырай¹³. Авось, почтальон смилостивится и не испугается странного адреса.

Я про вас знаю, гражданин кто-бы-то-ни-было, только одно: что над подворотней вашего дома цифра 51, и что в самую глубокую ночь, когда тьма перевалит через зенит и сотня окон вашего нелепого, облого¹⁴ дома потухнет, только ваше окно горит¹⁵, пряча свет за белой занавеской.

Я это знаю, потому что люблю гулять по ночам. Очевидно, вы не в дружбе со сном. И когда все уже отдумали свои дневные мысли и расцепили контакты мозговых полушарий¹⁶, вы продолжаете идти вслед за мыслью. И я тоже. Нас только двое. Знаете, среди многого множества побратимств есть и такое: братья по свече. Это из старины. Когда людям не хватает полушек¹⁷, чтобы купить обетную свечу¹⁸, они покупают ее, сладившись¹⁹, и держат ее вместе, пальцы к пальцам. Так вот, мы с вами братья по свече. Друзья по негаснущему думанию. Хотя и не знаем друг друга, ни разу не видели один другого и вряд ли увидим.

Итак: люблю гулять по ночам. Днем, когда пространство заполнено лучами солнца и по всем излучиям города кружение колес и дёрги шагов, время слабо ощутимо. Оно – лишь тень пространства. Но вместе с ночью, когда вещи, живые и мертвые, бездвигаются, тень выступает на место вещи, тем самым оттесняя ее в сны, в тенеподобную жизнь²⁰. Над пустыми улицами горят циферблаты часов. И время, шевеля остриями черных стрел, как вот я сейчас острием пера, вписывает свои мысли в тьму.

Наше время – это время времени. Мы отказались от захвата пространств, от аннексии территорий. Но мы захватили себе время, аннексировали эпоху. И эта новая социалистическая собственность должна быть тщательно и додонно изучаема. Я это делаю, как умею.

Глубокоуважаемое негаснущее окно, я часто беседую с вами, стоя на противоположном тротуаре. Никто нам не мешает, кроме редких голосов пьяниц и набегающего грохота ночных грузовиков. Время мне представляется то вихрем секунд, то водопадом, падающим вниз: в грядущее²¹. Если у ветра секунд хватило баллов, чтобы сорвать с меня шляпу (а иным это стоило сорванной головы), то значит ли это, что я раскланялся с революцией? Вот в этот вопрос – как капля в камень – и вдалбливаются все мои мысли.

Сейчас надо жить, распрямясь во всю душу. Уровень жизни так поднялся, что подбирается к горлу. Легко стать утопленником смысла. Но что делать тем, чья душа старчески ссутулена? Или горбатуму? Обращаться – как консультирует пословица – за помощью к могиле?²² Очевидно, так.

Вы не отвечаете, окно. Вы молчите светом. Хотя как-то на днях мне показалось, что я получил от вас, именно от вас, строку в три слова. Строка золотилась круглыми буквами по черной дощечке: «Уходя, погаси свет»²³.

3.

Почтальону.

Товарищ почтальон, это письмо не надбавит шагов к вашей ходильной работе и не сделает вашу сумку тяжелее ни на единый грамм. Боюсь только, что привычка носить письма заставит вас отнести и эти строки к себе на квартиру. Но я советовал бы вскрыть его немедленно, прочесть и выбросить: в ближайшую урну.

Я очень уважаю труд почтальона. По-моему, между словами «почта» и «почтенная» есть даже какое-то родство. И все-таки, я утверждаю – только не торопитесь обижаться, – что ни одно письмо ни до кого никогда и ни разу не дошло. Полностью. До последнего своего смысла.

Разумеется, я не хочу этим хоть в самой малой степени порочить работу почтальона. Почтальон добросовестно стучится в дверь. Но стучать в сердце и достучаться до него – это не входит в круг обязанностей письмоносца.

Почтальон вручает конверт. Но уверяю вас, что письму со штемпелем «Владивосток», врученному в Москве, предстоит гораздо более длинный путь, чем тот, который оно уже проделало.

Мы ликвидировали, или почти ликвидировали, неграмотность. Это очень хорошо. Кто спорит? Но что мы сделали для ликвидации духовной неграмотности? Ведь все мы понимаем друг друга по слогам, еле-еле, не умеем читать чужое чувство, суть, спрятанную в букве.

И все-таки я угадываю в вас, мой случайный адресат, некое ощущение обиды, а то и скуки, которая вот-вот – через секунды – швырнет мое письмо прочь. Потерпите еще пару строк. Дело в том, что по мере того, как в чернильнице – капля за каплей – убывают чернила, в пишушем – рюмка за рюмкой – прибывает водки. Вы сами, вероятно, иной раз не прочь. Ваше здоровье. Недавно после двух флаконов я взял да и написал открытку Господу Богу. Так и заадресовал: «Богу. В собственные руки». Ей-богу. И идя за третьей склянницей²⁴, опустил открытку в ящик. Проспавшись, я и забыл о ней, но она обо мне нет. Через два дня получаю письмо обратно со штемпелем: «За ненахождением адресата»²⁵. Скажите после этого, что наша почта не четко работает. Ваше здоровье.

Но о чем бишь мы? Ах, да, о конвертах. Мысли боятся солнца, отдергиваются от нахлеста лучей. Впрочем, и я, кажется, нахлестался. Перед глазами рябь какая-то и прыг пятен. Да, сперва мысль под теменем, в костяном конверте, потом в бумажном конверте. И легче проломить костяной, чем вскрыть – пойми ты, вскрыть – бумажную кожуру до... Фу ты черт, мысли шатаются, как пьяные. И чернильница почему-то на полу. Чернильница. Не догнусь. А перо всхт-²⁶.

4.

Невольный переулоч, д. 16²⁷, кв. 1.

Госспирты²⁸ стали открываться почему-то только в 11. Вышел в 10 и принужден был бродить, пока не снимут железной решетки. Сперва пошел по Варгунихиной горе и постоял рядом с обезглавленной единоверческой церквушей²⁹. Внизу, где раньше был голый берег, теперь веселый зеленый сквер. Если посмотреть-

ся, за Москвой-рекой и за Бережками виден черный циферблат Брянского³⁰. Золотая стрела тянула по его кругу минуты медленно и натужно, как носильщик, работающий сразу на двоих пассажиров. Потянуло ветром. Я повернул ему спину и вошел в Варгунихинский переулочек³¹. Несколько коленчатых поворотов – и неожиданно для себя я очутился в незнакомой улочке, обставленной одно- и двухэтажными домиками. Ничего в ней не было, останавливающего внимание. Как и все другие. Только вот название – белыми буквами по синему фону: «Невольный переулок»³².

Вас еще нет здесь, человек, которому пишу. Нет уже потому, что домов у переулка всего четырнадцать, а № 16 только строится, растет кирпичами вверх. Мне не хочется, чтобы это письмо дошло слишком скоро. Пусть оно доберется до ваших глаз вместе с будущим, о котором сейчас думаю.

Невольный переулок: четырнадцать с половиной домов, а вот мне показалось – на минуту показалось, – будто длинится он, выкручивая колена из колен, сквозь всю Россию, и будто не счесть невольных вселенцев его, таких вот как я. Ведь я и мне подобные, а нас не так уж мало, все мы живем в Невольном переулке истории.

Что мы сделали, чтобы пришла Она, вы знаете, о чем я говорю. В лучшем случае мы выкликали ее, как в деревнях выкликали весну. Веснянками³³. И веснянкам нашим нужна была, в сущности, так, веснишка. А пришла весна, пугающе юная, настоящая весна. Цветение ее слишком ярко для наших глаз. И мы прячем глаза под консервы³⁴. «Оханьем поля не перейти»,³⁵ – а мы хотели перейти его именно... оханьем. В то время как другие, подымая на плечи тяжелые плиты дней, мостили ими дорогу в революцию, подлинную дорогу гигантов, мы отрывали календарю легонькие листочки, изредка лишь взглядывая, на сколько секунд прибавилось солнце, и что на сегодня предлагает отрывной: бульон с гренками или раковый суп.

Да, какой может быть праздник в Невольном переулке? Невольный. Какая радость? «Нечаянная», как озаглавил ее еще Блок³⁶. А жить можно только чайным, бытие с чужого плеча – небытию сосед. И все мы, как это учили нас в школе, – «возлѣ», «нынѣ», «подлѣ»³⁷. А что подлее «подлѣ»?³⁸ Из него «вчужѣ». Это для

меня стало теперь – «послѣ» – «въявѣ», и исход лишь в том, что – «вкратцѣ», «вскорѣ»³⁹... Но зачем об этом так вот, «вообще»...

5.

Человеку на марке.

Вот я вижу вас в вашем зеленом бумажном окошечке. Ваши плечи выдвинуты над рубчатым подоконником, а поднятая вверх голова охвачена суконным шлемом⁴⁰. Вот я вас приклеиваю к письму, вам же адресованному. Я, человек, не умеющий ни к чему приклеиться⁴¹. Бесклейное существо. Бес-клейное, но келейное.

Я завидую вам. Это благородная профессия: отдавать жизнь не минутами и не часами, а сразу всю, не раздробью, а целиком. Загородить своим трупом свое от чужого. Я тоже, собственно, кандидат в трупы. Потому что живой перегораживаю дорогу своему к своему. Логика требует: убрать⁴². Но кроме логики есть еще и...

Сперва, когда это случилось, пробовал вместе с другими. С вами. Голосовал, заседал, говорил речи, одним словом – во все открытые двери. Но как-то рабочий один, лицо у него было похоже на ваше, отслушал одну из моих речей и сказал: «с февральской душой, да в октябрьские дела»⁴³. Занозил он меня. Обидно. Но обиднее обиды то, что верно.

Конечно, было много и другого. Не сразу я понял, что вот скачу задом и передом, а дело своим чередом⁴⁴. Ну, а там руки плетью. И к чему, в самом деле, вставлять палки в колесо катафалка, на котором тебя везут?⁴⁵ От людей я отошел и завел дружбу с бутылкой. Пью.

Теперь даже детишки с нашего двора, увидев меня, кричат: «дяденька красный нос». Ну что ж, лучше красный нос, чем нос по ветру. Как вы полагаете, человек на марке?

6.

Арбат, 51. 3-й этаж.

Негаснущее окно у правого подъезда.

Я опять к вам, окно. Наверное, вы писатель. Кому другому бодрствовать у ночной лампы? Признаться, я не люблю наших писателей. Одинаковые какие-то и все про одно. Жизнь выбро-

сила уйму тем, сюжет на сюжете и сюжетом погоняет. А они трусят сюжета. Только у них и темы, что, мол, не те мы. Правильно. Ну а дальше?

Чернильницей вы, писатели, пользуетесь так, как осьминог своим чернильным мешком: для самозащиты. Замутит свое во круг – и «отмежевался». И каждая последующая книга удирает от предыдущей. С осьминогим проворством.

В общем, не то литература, не то игра в перышки и пятнашки⁴⁶: чуть пошалил перышком, сейчас тебя и запятнают. И опять сначала.

Но у вас, наверное, свое окно в мир, и вы поймете меня.

Сам я, разумеется, никакой не писатель, а так... записыватель. Если какой-нибудь образ увяжется за мозгом и начинает преследовать меня, я иду на него с пером, как с рогатинкой. Вот, например, выписываю подряд⁴⁷, не пробуя суразить несуразицу:

– Подтянитесь, – сказали человеку. «Хорошо», ответил тот, пошел и повесился.

Покойный был лстыуга. Он даже и в петлю попробовал без мыла пролезть.

Сначала повесничал, а после повесился.

Не будет преувеличением, если сказать о висельнике: он в натянутых отношениях с жизнью.

Ну, и так далее, около дюжины вариантов: вроде вариаций Шуберта на тему⁴⁸. Сижу и придумываю, пока не перепротивню противное. Тогда легче как-то. Но вам, другу бессониц, я хочу предложить одну тему. Пожалуй, даже две. Не откажитесь от скромного подарка. Ведь всякая мысль, всякий замысел тянется к форме. У меня ее нет. Но там, под желтым светом вашей лампы, авось замыслам не будет отказано в том, о чем они просят.

Первая тема, в сущности, и не придумана, а наблюдена. Еще в молодости я знавал одного любопытного старика крестьянина. Звали его Захар. Про свою старость – а было ему под 80 – он говорил, что она обижает его. Именно обидчивое отношение к своей немочи, к грузу годов, отнявшему возможность работать в поле и по хозяйству, заставило Захара покинуть избу и разросшуюся

семью и уйти в сторожа. Сторожил он где-то под городом, на складах⁴⁹. Работа не требовала мускульной силы (тряси колотушкой и только). Нужна была лишь способность бодрствовать: от всех вечерних до всех утренних зорь. Старик и так спал чрезвычайно мало, легким и будким сном. Теперь, честно выполняя обязанность, он стал жить на сплошном бдении.

Во время ночной работы он иной раз как бы прикручивал фитиль сознанию, но никогда не гасил его. С первым брезгом⁵⁰ старик проделывал несколько верст, отделявших склады от его дома. Здесь он тоже никогда не ложился. То присядет на завалинке, подставляя голову теплему солнцу, то помогает сыну в какой-нибудь легкой работе, то подшивает лапоть, штопает валенок или одежду. А с вечерними сумерками опять на работу.

Я был тогда молод, платил сну третью жизни – полностью, и для меня был крайне занимателен и непонятен этот своего рода феномен. Не раз я спрашивал Захара, как ему удается жить врозь со сном. Старик, ясно улыбаясь, отвечал: «А что спать-то по мелочам? Как-нибудь завалюсь – и сразу на веки веков».

Взгляд у Захара был очень зоркий, острый. Он различал породы птиц, присаживающихся на дальних нитях телеграфных проводов. Казалось, несмежаемость глаз надбавляла им силы, а непрерывность сознания уменьшает его рывкость, дает какое-то преимущество перед другими сознаниями, каждодневно обрываемыми сном и снова стягиваемыми узлом при пробуждениях.

Захар говорил мало, но всегда веско и точно. Если ему прекословили, замолкал. Молчал он как-то сверху вниз.

И вот однажды, отсторожив ночь, Захар вернулся – как обычно – к своим. Сперва он посидел под стылым осенним солнцем. Потом по просьбе сына взялся за одну из ручек пилы, чтобы помочь ему распилить тележку. Зубья заходили было, разрывая древесные нити, как вдруг старик отвел руку, отошел к крыльцу и только с порога повернулся к удивленному сыну:

– Иди за попом. Сегодня засну.

Сын стоял оторопело на месте.

– Ну чего испугался, дурак? Делай, что говорят.

Вскоре пришел священник. Захар, успевший надеть чистую рубаху, исповедался и причастился. Сделал распоряжения по хо-

зьяйству: починить свиную кровлю до дождей, подоткнуть забор, чтобы ветром не сносило. Затем сел на завалинке. Домашние и соседи опасливо оглядывали старика. Ходили вполшума. Кто-то спросил его: не перейти ли в избу. Старик не ответил. Он слегка поклевывал носом, и тугая зевота растягивала ему рот. Сперва он подоткнул голову локтями. Но так было неудобно. Прилег вдоль завалины и разогнул ноги. Лицо его было повернуто к холодному осеннему солнцу.

Жена робко подошла к спящему:

– Захар Егорыч, пошел бы на полати. Захолодит тут тебя.

Не слыша ответа, она притронулась к опавшей руке спящего. Действительно, его уже захолодило: смертью.

Ну, вот вам одна тема. Может, не побрезгуете. Ну, а другая, не знаю, стоит ли... Лучше отложим. Устал. Если факт мой подойдет вам, советую подлитературить его, кое-что соскоблить, убрать. А то еще какой-нибудь дурак скажет: мистика.

Кстати, давно собираюсь спросить: соседи ваши – за то, что жжете столько электричества, – наверно, учиняют вам склоку?

7.

Адрес тот же.

Другая моя тема: обо мне. Прилагаю несколько копий моих писем. Написал их по памяти: большинство завалилось в беспамьять. Материала, конечно, мало. Но все-таки. Заглавия не подсказываю, сами лучше моего придумаете, но мне, персонажу, хотелось бы: Невольный переулочок.

Письмо это – последнее. Больше не буду беспокоить. Всё бы это, может быть, тянулось бы и тянулось, если б не один пустячнейший случай.

Сегодня утром видел, как в сумятице колес раздавило автомобилем пса. Выдавило кишки и... но не в этом дело. Пес был еще жив. Ему оставалось несколько секунд. Породистый, сильный зверь. Он встал на качающихся ногах, вытянув вперед залитые кровью глаза. Хозяин бросился к нему. Вслед за ним и еще несколько прохожих. И в ответ на протянутые руки пес стал кусать, яростно кусать всё что ни попадало под зубы. Круг людей

испуганно расширился. Пес, издыхая, продолжал лязгать зубами. Его слепнущие глаза видели перед собой смерть, неминуемую смерть, и он защищался. Защищался до последнего. Мудрый зверь. Потом короткая конвульсия, и всё.

Я тотчас же вернулся домой, так и не дойдя до госспиртовой вывески. Невольный переулочок пройден. Теперь я не неволен. И сегодня я чокнусь с судьбой. Но в рюмке моей будет не водка: другое.

31/VIII 1933

Комментарии

¹ *Тверская, 4, и, кажется, 3*, – четные дома в начале Тверской (уже переименованной в улицу Горького) были взорваны в 1938 г. во время расширения ее проезжей части.

² *Это – уже характеристика* – ср. «Красный снег» (V, 148 – здесь и далее ссылки даются на собрание сочинений: римские цифры – на тома, арабские – на страницы): «На двери дощечка: «врачу Бухгалтеру – три раза, Ю.Ю. Тишашеву – два раза, Безносенко – один раз, И. Я. – ни разу». Рука Шушашина в нерешительности описала круг около звонковой кнопки: интересно бы взглянуть на этого И. Я.; только как до него добратся?»

³ *...отработчик* – об использовании Кржижановским советского новояза в комментариях упоминалось не раз; вероятно, он был знаком с книгой А.М. Селищева (Язык революционной эпохи: Из наблюдений над русским языком последних лет (1917-1926). М., 1928), в которой проанализированы различные способы подобных словообразований, а поскольку он не писал, а диктовал свои сочинения, то, естественно, и вслушивался в звучание этих лексических гомункулов, чутко ловя неожиданные подчас звуковые ассоциации, как, например, в этом случае: «отвра-ботник»...

⁴ *...существо при портфеле* – эта метафора, как уже отмечалось, одна из сквозных в прозе Кржижановского: любопытно ее происхождение/толкование, относящееся ровно ко времени написания новеллы и обнаруживающееся в книге Г.В. Андреевского «Повседневная жизнь Москвы в сталинскую эпоху. 1920-1930-е годы» (Изд. 2-е. испр. и доп. М.: Молодая гвардия, 2008): «Французский журналист Родэ-Сен нарисовал довольно мрачную картину Москвы 1934 года. В журнале «Иллюстрированная Россия» он писал: «...Некоторые прохожие резко отличаются от общей массы своим внешним видом. Они гораздо лучше одеты и все, без исключения, носят портфели. Это – чиновники, властители советского общества» (с. 21-22).

⁵ *...стоит на сверхпайке* – сверхпайк – обычный паек плюс дополнительные продукты (см. упомянутую книгу А.М. Селищева, с. 36).

⁶ ...и в сне, и в яви – в машинописи: «и в сне в яве», – что можно реконструировать как «и в сне, и в яви», но также «и в сне и въяве»; быть может, эта пословица заимствована из собр. соч. Платона в пер. и с примеч. В.Н. Карпова (в шести томах, 2-е изд., 1863-1879); Кржижановский хорошо знал это издание и использовал примечания Карпова в своих теоретических работах.

⁷ ...сдачу с рублей давали почтовыми марками – ср. А.П. Чехов. Письма (1886): «В редакцию «Радуги»... Имею честь просить уважаемого г. Мансфельда сочинить мне для домашнего обихода четыре комедии, три драмы и две трагедии погамлетистее, на каковой предмет по изготовлении их вышло три рубля. Сдачу прошу переслать почтовыми марками... Полковник Кочкарёв»; в России, как правило, почтовые марки заменяли мелкую монету во время нехватки последней, так было и во время Крымской войны, когда марками выдавали сдачу с рубля, и в годы первой мировой, и до 1917 г. – для этого использовались почтовые марки копеечных номиналов из юбилейной серии, выпущенной в 1913 г. к 300-летию юбилею династии Романовых, надпись на них гласила, что они имеют хождение наравне с медной или серебряной разменной монетой; следующий разменный кризис относится к началу 1920-х...

⁸ Я пью – см. письма Кржижановского к А.Г. Бовшек: «Мыслям (в летние месяцы) вход в мою голову строго воспрещается, – если какие и протиснутся под темя, немедленно заливаю их водкой» (19.07.1931); «В магазинах по-прежнему ни капли водки: а ведь мозгу необходим хоть какой-то малый % иллюзий» (16.07.1932); «Пью значительно меньше, стараясь заменять водку легким столовым вином. Я понял, что это необходимо, иначе нервы не выдержат и работа кракнет» (04.08.1933); «Пью микстуру – и самочувствие мое значительно лучше. Стараясь помочь этому, переходя с водки на красное вино. Это стоит дороже, но здоровье еще дороже» (20.06.1938).

⁹ Трезвое отношение к действительности – ср. А.Г. Бовшек о Кржижановском во втор. пол. 1930-х гг. (Глазами друга XII): «Ни явь, ни сон не давали ему покоя, алкоголь стал для него необходимостью. Когда его спрашивали, что привело его к вину, он говорил, отшучиваясь: «Трезвое отношение к действительности»; тот же каламбур – в музыкальной комедии «Поп и поручик» (1934-1938).

¹⁰ ...ни почтового листа – почтовый лист – специальный лист бумаги, который можно было сложить и отправить без конверта.

¹¹ ...если она, то ждете она – ср.: «нёт влечется к нёте, не зная, что нёты нёту» (Страна нетов, I, 266).

¹² Арбат, 51, – дом сохранился поныне, он расположен чуть наискосок от дома 44, где жил Кржижановский, так что горящее в ночи окно писатель мог видеть из собственного окна.

¹³ ...хоть на вей-ветер швыряй – ср. В.И. Даль. Пословицы русского народа в двух томах, изд. 2-е, т. 1, раздел «Язык-речь» (СПб.-М., 1879), с. 522: «Это на вей-ветер сказано»; там же, с. 530: «Он на мах (на ветер, на вей-ветер) слова не молвит».

¹⁴ Облый – тучный, неповоротливый.

15 *...только ваше окно горит* – о горящем ночью окне см. в новелле «Красный снег» (V, 162).

16 *...расцепили контакты мозговых полушарий* – ср. «Красный снег» (V, 155): «Лежа лбом к стенке, он пробовал слабеющими мыслями развязать и сбросить с себя день... Но связи путались и стягивались узлами, и тесный день продолжал охватывать мозг».

17 *Полушка* – название мелкой монеты (чаще всего равнялась $\frac{1}{4}$ копейки); последние полушки отчеканены в России в 1916 г.

18 *Обетная свеча* – по народному календарю на Украине, в Белоруссии и в западных областях России 15 февраля отмечали Громницы, праздник встречи зимы с весной, посвященный языческому богу весны Громовнику; праздник, связанный с культом огня, совпадал с православным праздником Сретения Господня, заменившим поклонение огню на чествование свечи; несколько дворов в деревне объединялись, чтобы топить воск на общинную свечу, которая именовалась также обетной.

19 *...сладившись* – в машинописи: «слодившись», что допускает вариант «сложившись».

20 *...в тенеподобную жизнь* – ср.: «...нельзя сказать с уверенностью, существует ли тенное тело или не существует. Правда, неты учат своих малых нетиков, что тени отбрасываются какими-то там вещами, но если рассудить здраво, то нельзя с точностью знать, отбрасываются ли тени вещами, вещи ли тенями, – и не следует ли отбросить, как чистую мнимость, и их вещи, и их тени, и самих нетов с их мнимыми мнениями» (Страна нетов, I, 266); этот мотив проходит через все творчество Кржижановского (см. «Штемпель: Москва», «Философема о театре», «Боковая ветка», «Швы», «Сэр Джон Фальстаф и Дон-Кихот», «Фрагменты о Шекспире» etc.).

21 *...вниз: в грядущее* – то есть, в представлении автора, время течет из прошлого в будущее – сверху вниз.

22 *...за помощью к могиле* – ср. у В.И. Даля (Пословицы. Т. 1): «Горбатого могила исправит» (с. 445), «От старости зелье – могила» (с. 551).

23 *«Уходя, погаси свет»* – ср.: «В сущности, все сокращенные заглавия, которые мы читаем над входом в автобус, в магазин, в библиотеку, в музей, – всегда содержат в себе момент заглавности: «Уходя, гаси свет» (пригодно для новеллы о фашистском режиме)... (Фрагменты о Шекспире, IV, 358).

24 *Скляница* – штоф, бутылка для вина или водки (ср. В.И. Даль. Пословицы. Т. 1, с. 277: «Охоча старіца до скляницы»).

25 *«За ненахождением адресата»* – во второй ЗТ: «Письмо адресовано: «До востребования Господу Богу». Не востребовали. Назад с надписью: «За ненахождением адресата»» (V, 349).

26 *...всхт* – автор, разумеется, намеренно обрывает письмо в конце шестой страницы машинописи этим случайным – «нетрезвым» – набором согласных

с дефисом-переносом «в никуда», ускользанием смысла; следующая, седьмая страница исправно начинается следующим, четвертым письмом.

²⁷ *Невольный переулочек*, д. 16, – ни один из домов переулочка до наших дней не дожил (см. далее).

²⁸ *Госспирты* – Центральное управление государственной спиртовой монополии (Госспирт) ВСНХ РСФСР (1918-1925, Москва); в 1918-1921 гг. именовалось Центроспиртом и Главспиртом, в 1921 г. переименовано в Госспирт, в 1925 г. упразднено.

²⁹ *...обезглавленной единоверческой церквушей* – церковь Николая Чудотворца Николо-Смоленской старообрядческой общины, построенная в 1914-1915 гг.; закрыта в 1931 г. (здание передано под клуб завода «Напильник»), снесена в конце 30-х годов; Варгунихина гора находилась на Смоленской набережной рядом с Бородинским мостом (скрыта после войны).

³⁰ *...циферблат Брянского* – вокзала (с 1934 г. – Киевский).

³¹ *Варгунихинский переулочек* – прекратил существование одновременно с уничтожением горы и новой застройкой этой части Смоленской набережной, соединил Шубинский переулочек со Смоленской улицей.

³² *Невольный переулочек* – тоже исчез из адресной книги Москвы, он обездомел, дома, выстроенные на месте шестнадцатидомного «переулочья», значатся по иным адресам, однако – совершенно в стиле автора новеллы – переулочек сохранился как бы фантомно: именем на планах этой части города, фрагментом своей проезжей части – вдоль пятиэтажной стороны типографии «Наука» (с другой стороны стоящее на косогоре здание шестизетажно, что не редкость в холмистой Москве), фантом, одним словом – и нет его, и есть...

³³ *Веснянки-заклички* – календарные обрядовые песни у украинцев, белорусов и части русских.

³⁴ *...мы прячем глаза под консервы* – очки-консервы (goggles), защитные облегающие очки; обычный в середине 20-х гг. «атрибут» московских таксистов («На шоферах (шоффэрах, как тогда писали) в любую погоду кожаные костюмы, в зубах трубка, на лбу «очки-консервы», – писал Лев Славин в одном из июньских номеров «Вечерней Москвы» 1925 г.); тема очков в прозе Кржижановского варьируется постоянно, от «Чуть-чутей» (1922, I, 83-92) до «Глазуньи в пенснэ» (<1940>, V, 167-170), однако здесь они единственный раз они выступают, так сказать, в защитной роли.

³⁵ *Оханьем поля не перейти* – ср. «Мухослон»: «Душа мужи порешила так: «Оханьем поля не перейти» (I, 219).

³⁶ *...как озаглавил ее еще Блок* – Александр Блок. Нечаянная радость. Второй сборник стихов (М.: Скорпион, 1907).

³⁷ *...как это учили нас в школе, – «возлѣ», «нынѣ», «подлѣ»* – обыгрываются наречия на букву «ять», которые гимназисты (и в их числе, естественно, будущий автор новеллы) должны были заучивать наизусть; ср.: «Никакие отсхпоры и досихпоры, «возлѣ – нынѣ – подлѣ – послѣ», заколачиваемые учителями, точ-

но тугие пыжи, в мозг Горгиса, не держались в нем никак» (Материалы к биографии Горгиса Катафалаки, 1929, II, 267); подобный гимназический след обнаруживается и в новелле «Квадрат Пегаса» (1922, I, 93-102), где все главки названы существительными с «ять», для запоминания которых гимназисты затверживали стишок наподобие считалки.

³⁸ *А что подлее «подль»?* – ср.: «Въ нашемъ дореформенномъ письмѣ мы имѣли иногда возможность корректировать неточность устной рѣчи (тѣмъ и темъ; прѣние и прение; подлѣй и подлей; въ морѣ и въ море; сѣй и сей). А съ новой орфографіей становятся омонимами, т. е. одинаково читающимися, и такіе слова, которые различаются въ произношеніи (тѣшу и тешу; осѣни и осени; сѣль и сель; сѣла и села; сѣло и село; смѣль и смель; мѣчу и мечу; желѣзка и железка и т. д.)» (В. Перемилевскій. «Новое или старое правописаніе?» В кн.: «Къ вопросу о старой и «новой» орфографіи» (Jordanville, N. Y. Holy Trinity Monastery, 1962), с. 17).

³⁹ *...исход лишь в том, что – «вкратцѣ», «вскорѣ»* – мнемонические цепочки, затверженные с гимназических времен, навсегда оставались в памяти; помимо приведенных выше литературных реминисценций относительно наречий на ять ср. организованное в стихотворение 19 модусов силлогизма «Bárbara, Célarént, Darii, Feriódque príógis» у Кржижановского в «Красном снеге» (V, 544).

⁴⁰ *...голова охвачена суконным шлемом* – скорее всего, имеется в виду марка «Красноармеец» – одна из первых стандартных марок СССР; выпускалась в 1923-1927 гг. номиналом от 1 коп. до 5 руб. золотом; на марке – профиль красноармейца (изображение основано на бюсте работы И.Д. Шадра).

⁴¹ *...не умеющий ни к чему приклеиться* – ср.: «Каждая партия имеет среди своих членов не только лиц, солидарных во взглядах, но и лиц, вошедших в состав партии ради каких-нибудь выгод. Это – примазавшиеся. <...> В первые годы после Октября часто говорили: примазываться, примазавшийся...» (Селищев. Язык революционной эпохи, с. 106).

⁴² *Логика требует: убрать* – ср.: «Если ваш талон М не отрезан, можно получить средние термины. Торопитесь, термина может не хватить... Средний термин предположено в целях рационализации унифицировать... Ведь М в «S есть Р» все равно никогда не попадает, следовательно, не все ли равно, какое оно там» (Красный снег, V, 158).

⁴³ *...с февралевой душой, да в октябрьские дела* – Вторая ЗТ (V, 342).

⁴⁴ *...а дело своим чередом* – В.И. Даль. Пословицы. Т. 1, с. 239: «...скачет баба и задом и передом, а дело идет своим чередом».

⁴⁵ *...вставлять палки в колесо катафалка, на котором тебя везут*, – Первая ЗТ: «Жить – это значит втыкать палки в колеса катафалка, на котором меня везут» (V, 329).

⁴⁶ *...не то литература, не то игра в перышки пятнашки* – первая из этих двух детских игр ныне позабита, просто потому, что надобных для нее перышек-вставок у школьников давным-давно нет (вторая, она же «салочки», в комментарии, пожалуй, не нуждается); правила игры требовали с помощью своего

пера щелчком перевернуть перо противника на «спинку», а потом тем же приемом вернуть его в исходное положение, если это удавалось, перо выигрывалось.

⁴⁷ *...выписываю подряд* – на самом деле не «подряд»: только последний пример можно обнаружить (с несущественным разночтением) в Третьей ЗТ (V, 382), три остальных случаях реальные записи использованы лишь как повод, черновой набросок (скажем, отдельной строкой стоящее во Второй ЗТ слово «Льстюга» – V, 344).

⁴⁸ *...вроде вариаций Шуберта на тему* – имеется в виду: Франц Шуберт, Forellenquintett, IV часть. Тема и вариации на тему песни «Форель».

⁴⁹ *...Сторожил... на складах* – ср.: «...Служил только в советских учреждениях, в период же захвата Киева белыми, отказываясь от какого-либо с ними сотрудничества, предпочел работать сторожем на складах кооперативных учреждений (в общем, в течение около 1½ лет» (С.Д. Кржижановский. Заявление Тройке Фрунзенского района по выдаче паспортов от 22.03.1933. РГАЛИ, ф. 2280, оп. 1, ед. хр. 99, л. 1); возможно, именно тогда его «копилка образов» пополнилась этим сюжетом.

⁵⁰ *С первым брезгом* – ср.: «Осенью 1917-го один из практикантов Гринвичской обсерватории, работавший под раздвинутым в звезды сводом главного павильона, с первым брезгом утра, закончив наблюдение и запись, остановил часовой механизм трубы и направился к выходу» (Материалы к биографии Горгиса Катафалаки, II, 322).

